

*Булацкая Н.А., доцент,
Белорусский университет культуры*

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ С.М.СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКОГО В СЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Колоссальный опыт исторической жизни XX столетия требует обновления вечных ценностей, размышления о сути и назначении человека, об основных характере и тенденциях славянской культуры, и всё это неизбежно обращает к классике, пристально занимавшейся интересными нам и сейчас вопросами.

В пантеоне славянской славы обязательно должно быть ранее хорошо знакомое, а сегодня подзабытое имя Сергея Михайловича Степняка-Кравчинского. Корни его уходят в славянский мир: отец был родом из Беларуси, мать вышла из Украины. На Украине родился он сам, да и псевдоним “Степняк” выбрал, уже живя за границей, будучи политическим эмигрантом, вспоминая бескрайние, знойные украинские степи. Судьба тесно связала его самого и его творчество с Россией. Польша и Герцеговина как части славянского мира закрепили эту связь. Знали его в других странах (Италии, США, Англии) как революционера-народовольца, честного, красивого душой и телом человека с “сердцем льва и добродушием ребенка”.

Пример С.М.Степняка-Кравчинского — яркое проявление “славянских генов” не только в нем как в человеке, но и в его творческом наследии.

Начнем с близкого нам белорусского материала. Откроем книгу “Русское крестьянство, его экономическое положение, общественная жизнь и религия”. Одним из главных в книге является вопрос о земле: о собственности на землю, о праве работника на продукт своего труда, о земельной ренте и процентах на капитал, вложенный в сельское хозяйство. Обратим внимание на то, что Степняк говорит не только о русских, но также о всех славянах, в том числе и белорусах, с

любовью, и с болью пишет о том, что “жизнь не имеет никакой ценности, если у тебя на глазах подвергается мучениям горячо любимый тобою народ”.

Из многих фактов, историй, которые приводятся в работе, национальный белорусский интерес вызывает логишинская история. Это рассказ о борьбе жителей в прошлом местечка, а теперь городка Логишина за землю, за справедливость с теми, кто на протяжении 1876—1878 годов безжалостно пытался подавить крестьянский бунт, кто мешал мужикам подать жалобу в Сенат на незаконные, арестовывал наиболее активных борцов, избивал, отправлял в тюрьму. Но, несмотря на все это, крестьяне Логишина, имея дарственную на землю польского короля, подтвержденную Указом российского Сената, дело выиграли. Вряд ли сегодняшние логишинцы знают эту историю, в которой звучат имена их предков: Малаховского, Чечетки, Лукашевича, Татаревича, Королевича и других.

Возьмем более раннюю книжку Сергея Кравчинского — пропагандистскую “Сказку о копейке”. Для многих белорусских революционеров XIX века знакомство с ней оказалось решающим. Так, например, И.Гецов, белорусский народник, в своих воспоминаниях отмечал эту книгу как побудившую его к деятельности во имя спасения народа.

Но разве любовь к родной земле, независимость, непокорность грубой силе, обману и желание блага своему народу — только белорусские традиции? Они глубоко коренятся во всем славянском мире. Пример этому находим у того же Степняка-Кравчинского.

1847 год. Сергей отправлен друзьями, спасавшими его от ареста за революционную деятельность, за границу, под предлогом ознакомления с устройством динамита. В 1875 году в Боснии и Герцеговине вспыхивает народно-освободительное движение против османского гнета.

Сербия, Черногория, Босния, Герцеговина — их история, современность, люди — были предметом неустанного интереса в России того времени. Южные славяне понимались как

кровные родичи, единоверцы, политические и военные союзники. Вторая половина XIX века являлась временем, когда южнославянскую литературу переводили много и многие. Сборники следовали один за другим. Они стали чтением русских людей.

Впрочем, Степняка привлекло, скорее всего, не фантастическое представление о некоей славянской Аркадии, а свободолюбие южных славян, их храбрая борьба за независимость, то, что жило в нем самом. Кравчинский вместе со своим другом Д.Клементом примкнул к восставшим. Те же доверили иностранцу, военному по образованию человеку, командование единственной имевшейся у них на вооружении пушкой. Затем в течение полугода Сергей командовал уже артиллерийской батареей повстанцев. Личный жизненный опыт становится капиталом для писателя, служит для него материалом. Свободолюбие Степняка-Кравчинского как человека определяет тематику его творчества.

Почти половину своей недолгой жизни (а прожил он 44 года, трагически погибнув под колесами локомотива) он провел в России — Орле, Москве, Петербурге, где учился, боролся за справедливость, писал. Россия была в его сердце и творчестве. Еще юношей, членом кружка “чайковцев”, ходил по деревням с целью пропаганды социалистических и революционных идей, в которые свято верил. Годы спустя, как сам выразился, окажется “ни в тех, ни в сех”. А пока, будучи уверенным в дееспособности словесного оружия, пишет “Сказку о копейке”, сказку для крестьян “Мудрица Наумовна”, в которых, в доступной для мужика форме, раскрывает сложные понятия политэкономии, социализма, теории прибавочной стоимости. С думами о России он создает книги “Андрей Кожухов”, “Подпольная Россия”, “Домик на Волге”, “Россия под властью царей”, “Русские крестьяне” и др. Он жил и работал для России, во имя России. Живя в вынужденной эмиграции, организовал “Общество друзей русской свободы”; явился одним из основателей “Фонда вольной русской прессы”; направил в

1888 г. президенту США протест против выдачи России русских политэмигрантов; пропагандировал русское искусство и литературу, переводя произведения Гоголя, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Гаршина и др.; читал лекции о России в Америке, европейских странах. Среди его друзей были Бернард Шоу, Ф.Энгельс, Элеонора Эвелинг (дочь К.Маркса), Элизе Реклю, В.Моррис, Э.Л.Войнич.

В девичестве Э.Л.Буль, английская писательница, становится госпожой Войнич, выйдя замуж за польского революционера М.Войнича, с которым познакомилась в доме Степняка-Кравчинского. Войнич стала другом, соратником писателя, и своего Овода писала отчасти с него. Так “польская тема” связала их еще прочнее со славянским миром. А начало знакомства с Польшей произошло в конце 70-х годов XIX века. Кравчинский был в Варшаве, встречался с представителями революционных кружков, рассказывая о совершенном им по решению организации убийстве генерала Мезенцева, шефа Третьего отделения тайной полиции, за учиненные им многочисленные убийства молодых революционеров. Среди поляков оказалось немало таких, кто желал последовать примеру Кравчинского. Сам же Сергей принялся за изучение польского языка, который находил очень интересным: сравнивать было с чем, ведь он владел многими иностранными языками. Он предполагал перевести два польских романа.

Знакомство с польским материалом в творчестве Степняка можно продолжить, обратившись к его публицистической книге “Царь-чурбан, царь-цапля” (1895 г.), в одной из частей которой отдельно обозначен вопрос “Поляки и финляндцы”. А в другой его работе — “Русская грозозаточка” (1886 г.) — глава IV связывает Россию и Польшу таким образом: “Политический строй будущей России. Польский вопрос”. Размышления о политике, идеологии, государственном устройстве, армии, национальном вопросе приводят Степняка к определенным выводам. Некоторые из них можно процитировать:

“Единственная опасность, таящаяся в русской грозовой туче,— это самодержавная власть” или “Мы, русские, посвятившие свою жизнь борьбе за свободу нашей родины, не отделяем наше дело от дела всеобщей (подчеркнуто нами.— Н.Б.) свободы и демократии”. Две вышеназванные книги — политические, можно сказать, тенденциозные, написанные для широкой аудитории. По характеру публицистические, они наиболее интересны тогда, когда в Степняке проявляются художественное начало, писатель.

В рамках польского материала была бы интересной еще одна работа: сравнить, оценить два романа — “Меир Езифович” Э.Ожешко и “Штундист Павел Руденко” Степняка-Кравчинского. Но это должен быть обстоятельный разговор, вне рамок данной статьи. Впрочем, роман “Штундист Павел Руденко” выводит нас на украинский след в творческом наследии писателя.

События романа происходят в живописном украинском местечке Книши. Обратившись к теме преследования самодержавием штундистов, Степняк связал свободолюбие главного героя с поиском смысла жизни, мечтой о справедливости и счастье. Тема поиска верного жизненного пути связывается с темой народа, его отношением к религии и церкви.

Работая над “Штундистом Павлом Руденко”, автор обращался за помощью к знатоку украинского фольклора, этнографии М.П.Драгоманову. Верно подмеченными Степняком оказались воспроизведенные в романе крестьянские будни, особенности украинской природы, приметы национальной жизни, например сговор мужиков о приданом накануне свадьбы. Однако не все удалось писателю, в это время жившему за границей. Оторванность от родины сказалась на колорите красок при изображении национального характера, особенностей жизни именно украинской деревни. И в то же время переданные картины эпохи, бытовые детали подчеркивают правдивость изображенных конфликтов, имеющих объективный

характер и соответствующих духу времени. А преследование царским правительством сектантов — будь то русские, белорусские или украинские молокане, духоборы или штундисты — лишь подчеркивает их единство, доказывает, что писателю чужда политика государственного устройства, для которого любое самостоятельное проявление мысли является преступлением.

Идея свободолюбия, высокого назначения человека цементирует славянское единство народов, так или иначе — генетически, исторически, творчески — выразившееся в имени деятеля славянской культуры, по разным причинам не пользовавшееся должным вниманием и пониманием у наших современников. И каждый из трех народов — будь то русский, украинский или белорусский — сегодня по праву, закономерно может считать Степняка своим, родным, кровным, общеславянским. При этом, говоря словами самого С.М.Степняка-Кравчинского, “задача исследователя — копать вглубь, пока он не дойдет до гранитной основы, определившей очертания, которыми мы любовались”.

*Прэдзеіна А.В., аспірантка,
Беларускі ўніверсітэт культуры*

АСВЕТНІЦКАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ ВІЦЕБСКАГА АКРУГОВАГА ТАВАРЫСТВА КРАЯЗНАЎСТВА

Каларыт, разнастайнасць ці, калі магчыма так сказаць, паўнакроўнасць нацыянальнай культуры шмат у чым залежаць ад узроўню развіцця рэгіянальных культур, якія складаюць яе. І, на наш погляд, правамерна сцвярджанне В.Акудовіча аб тым, што ў культуралагічным сэнсе “Беларусь нельга ўявіць нечым адзіным. Гэта, хутчэй, архіпелаг, дзе ўнутры адзначанай дзяржаўнымі межамі прасторы раскіданы вялікія і зусім дробныя астраўкі беларушчыны”. Першародная роля ва ўсебаковым